

ТЕМА МУЧЕНИЧЕСТВА В РАССКАЗАХ ПРОТОИЕРЕЯ Н. АГАФОНОВА «КРАСНОЕ КРЕЩЕНИЕ» И К. ПЕВЦОВА «Я – СВИДЕТЕЛЬ»

Аннотация: Рассказы Н. Агафонова «Красное крещение» и К. Певцова «Я – свидетель» воскрешают трагическую страницу российской истории – события после 1917 года. Авторы убедительно показывают, что телесные мучения – путь к святости. Рассказы сближает то, что их главные герои делятся на два типа: изначально стоящие за веру или прозревающие, глядя на мучения других. Оба проанализированных текста содержат общие мотивы (и на идейно-тематическом, и на сюжетном, и на характерологическом уровне), отличаются реалистичностью, вниманием к мельчайшим деталям.

Ключевые слова: вера, священник, мученичество, палач, прозрение, Крещение, свидетель, мотив.

Цитирование: Молдагалиев А.Н. Тема мученичества в рассказах протоиерея Н. Агафонова «Красное крещение» и К. Певцова «Я – свидетель» // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. № 4 (25). С. 218–228.

Сведения об авторе: Молдагалиев Арсений Нурланович – студент четвертого курса бакалавриата Оренбургской духовной семинарии (Россия, Оренбург). E-mail: amoldagaliev1007@gmail.com

Сведения о научном руководителе: Щербакова Евгения Константиновна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой филологических дисциплин Оренбургской духовной семинарии (Россия, Оренбург). E-mail: galereya-k@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.10.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Современная Русская Церковь во многом продолжает жить воспоминаниями событий предыдущего столетия, осмысливая произошедшее, извлекая уроки, совершая память новомучеников и исповедников. Отношение общества к Церкви зачастую стро-

итя на сложившемся на рубеже XIX–XX вв. негативном образе духовенства и верующего вообще. Духовные лица в литературе советского периода нередко представляются как сословные ремесленники, дурачащие простой народ, наживающиеся на его невежестве (во многом такому представлению способствовали русские бытовые сказки, сюжеты которых были навеяны в том числе и пьесами о Петрушке, и немецкими фаблю, и в целом секуляризированной европейской литературой; ранние произведения Н.М. Гоголя, например «Вий»; стихами Н.А. Некрасова и его поэмой «Кому на Руси жить хорошо» и др.). Так, в рассказах М.И. Гусева-Оренбургского, писателя первой половины XX века, снявшего с себя сан священника, христиане в целом – тунеядцы, которые не работают в многочисленные праздники, просят большую мзду за выполнение своих обязанностей, чем тормозят развитие прогрессивного человечества [2].

Поскольку вышеописанный образ духовенства глубоко укоренился в сознании людей и крепко держится в нем и в наши дни [4], то возникает (и всегда была) необходимость противопоставить этому образу, правдивому только отчасти, образ более полный, одушевленный, личностный. Конечно, в первую очередь это достигается личным примером, образом жизни, противоположным сложившемуся мнению, такие положительные примеры были и во времена гонений, но и они «праведностью своею спасли бы только свои души» (Иез. 14:14). Так, в 1920–30-х гг. В.А. Никифоров-Волгин по-прежнему пишет о православном священнике как о бескорыстном, любящем и глубоко верующем.

В эпоху соцреализма о священстве или вообще не писалось, или его представители были эпизодическими лицами в художественном тексте. И уже в конце XX – начале XXI века тема жизни, более того, мученичества православного священства становится центральной в рассказах протоиерея Н. Агафонова «Красное крещение» и К. Певцова «Я – свидетель». События этих рассказов отсылают ко времени гонений на Церковь

в первой трети XX в. В «Красном крещении» и в «Я – свидетель» узнаются революционный период и события Гражданской войны. В первом случае эпоха определяется по словам отца Тавриона: «Так что же это получается, Николай Трофимович, с одной войны пришли и на другую идете? Не устали воевать-то? – спрашивает отец Таврион» [1]. Во втором тексте события разворачиваются в 1920–1921 гг.: товарищ Котов вменяет в вину священнику о. Матвею враждебную советской власти агитацию и препятствие ее политике: «во-первых, изъятию церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья, и, во-вторых, агитировал верующих, что советская власть безбожная» [4, с.163]. Оба исторических рассказа красноречиво свидетельствуют о жестокости эпохи, о гонениях на Церковь. И действительно, в первые годы и десятилетия советской власти Церковь прославило множество мучеников и исповедников. Это был период жатвы, по своему кровопролитию подобный периоду первых трех веков христианства.

В произведениях прот. Николая Агафонова «Красное крещение» и К. Певцова «Я – свидетель» мученичество телесное и моральное идут рука об руку, и какое из них мучительнее, сказать трудно.

В рассказе «Красное крещение» события начинаются в Новоспасском мужском монастыре. Степан – молодой послушник, сын поручика и сестры милосердия, ушедших на войну и оставивших ребенка на попечение родственника-архимандрита, этот герой начинает крестный путь фактически с детства.

Сначала на его глазах жестоко убивают дядю, архимандрита Тавриона, который радостно принимает смерть; и звонаря Иеронима, сброшенного с колокольни. Ужас Степана велик, он парализует его сознание, и тот даже не может поначалу молиться; а увидев, как кровь отца Тавриона и звонаря Иеронима по ложбинкам стекается в одну красную лужу, теряет сознание: «лужица ... на глазах Степана ширилась и росла. Все перед его глазами стало красным. Степан стал заваливаться на бок. Монах

Гавриил бил его слегка по щекам и шептал: – Степка, очнись. Очнись, ради Христа» [1].

С помощью монахов Степану удается сбежать из монастыря. Чуть было не вставшего на путь воровства Степана спасают монахини из Иверского монастыря: «Когда Степан пробегает мимо нее, она ловко из-под рясы выставляет свою ножку в черном высоком ботинке, и Степан, споткнувшись о ногу монахини, летит вперед носом» [1].

На некоторое время в жизни Степана наступает затишье, в монастыре он трудится, помогает рабочим крыть крышу и монахиням по хозяйству. Но наступает период изъятия церковных ценностей, согласно письму В. И. Ленина от 19 марта 1922 г., часть которого прот. Н. Агафонов цитирует в повести: «Мы должны провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления» [1]. Настоятельница Иверского монастыря игумения Евфросиния была готова добровольно отдать дорогой оклад с чудотворной иконы для помощи голодающим, однако в губкоме этот поступок расценили как контрреволюционный и решили принять соответствующие меры. «– Вот ведь, стерва, что удумала: поднять авторитет Церкви за счет помощи голодающим!» [1].

Накануне визита делегации по изъятию ценностей матушка Евфросиния видит вещий сон: «будто Ангелы Божьи с небес спускаются, а в руках венцы держат. Стала я Ангелов считать. Подходит ко мне убиенный отец Таврион и говорит: „Не трудись, матушка, напрасно, все уже давно подсчитано. Здесь ровно сорок четыре венца“» [1]. Далее по тексту выясняется, что в монастыре сорок пять человек, и, очевидно, кому-то суждено избежать мученической кончины. Это Степан, и далее начинается становление его как борца за веру.

Обманом заманив, чекисты привозят монастырских сестер на пристань, помещают в старую деревянную баржу и начинают

буксировать по реке. Когда Степан прибегает на пристань, его не пускают, что объясняет, почему во сне матушки Евфросинии не хватало одного венца. Предчувствуя опасность и не желая больше терять близких, Степан уже не поддается страху и решительно принимается действовать – на лодке он направляется вслед буксирному катеру с баржей.

«Монахини стояли уже по колено в воде» [1]; «над водной гладью звучали печальные стихиры панихиды: «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть...» [1]. В первом случае, когда был убит отец Таврион, Степан только догадывался о произошедшем, сейчас он становится свидетелем убийства, и в итоге спасти сестер у него не получилось.

За основу эпизода взята реальная история, произошедшая в Иверском самарском женском монастыре, передававшаяся из уст в уста: в 1930 году около тридцати монахинь обманом завлекли на худую баржу и вывезли на середину Волги, где баржа затонула.

Следующий приют Степан находит в некоем селе Покровке, где трудится при храме алтарником под руководством отца Петра. События разворачиваются на праздник Богоявления. Параллельно описываются детали приготовления крестного хода на Иордань и снаряжение отряда подразверстки. Возникает чувство противостояния двух сил, крестного хода и «крестового похода». Сидя за столом после праздничной службы и купания в проруби, Степан слушает разговор мужиков о подразверстке, о жестокости при сборе, о том, как зарубили батюшку чекисты. По-разному воспринимают эту историю Степан и отец Петр: «– Страшная кончина, – сокрушенно вздохнул отец Петр и перекрестился. – Не приведи Господи. Степка, тоже перекрестившись, прошептал: – Блаженная кончина – и, задумавшись, загрустил, вспоминая свое детство» [1].

Интересно, что большевик Крутов, человек с говорящей фамилией, жесткий и бескомпромиссный, нередко показывает-

ся рефлексирующим. Узнав, что ему придется участвовать в изъятии хлеба у крестьян, он шутливо и как бы ненароком выгораживает их: «– Да какие они контра? ... Мужики простые, пару раз с маузера пальну – весь хлеб соберу» [1]. А в итоге Крутов, пожалевший Степана и отца Петра, застреленный Коганом, в предсмертном видении Степана будет в ряду новомучеников.

Символом особенного зрения Степана, не только телесного, но и духовного, становится его бинокль. Единственная память о былой хорошей жизни, он в очередной раз служит своему хозяину добрую службу. Степан поднимается на колокольню, чтобы полюбоваться прекрасным видом заснувшей на зиму природы, однако «рука его дрогнула, когда в окуляре бинокля замаячили остроконечные буденовки всадников» [1]. «Поколебавшись немного, Степан взялся за веревку языка самого большого колокола и перекрестился» [1].

Найдя спрятанный хлеб, большевики сажают под замок отца Петра и Степана и убеждают первого всенародно отказаться от веры в Бога [1]. Батюшка, пытавшийся протестовать, услышав угрозы в адрес семьи, соглашается на отступничество.

Кульминация наступает, когда желающего пострадать за веру Степана уводят к проруби: отец Петр, глядя на его пример, крестный путь, слыша вздохи матушки, не знающей, как жить дальше после отступничества мужа, воскресает духом. Символично имя священника, в его образе заметна аллюзия на события, произошедшие с апостолом Петром. И сам отец Петр, раздумывая над требованием комиссара, в молитве вспоминает об отречении и покаянии апостола. Итогом становится его приход к проруби и последовавшая за этим гибель: «– Но яко разбойника помяни мя... Дальше он уже сказать ничего не мог, так с широко открытыми глазами и стал погружаться медленно в воду. Коган как-то лихорадочно сделал три выстрела вслед уходящему под воду отцу Петру, вгоняя в прорубь пулю за пулей. Вода в проруби

стала еще темнее от крови. – И впрямь красное крещение, – про-
бормотал Крутов» [1].

Мучеником становится и герой рассказа «Я – свидетель» К. Певцова отец Матвей: его, арестованного, водят под конвоем по улицам таким образом, что всякий раз маршрут лежит мимо его дома, где матушка и дети из окна видят его. С одной стороны, это некоторое утешение для них – побыть хоть мгновение рядом; с другой – тяжелое испытание. Ежедневное ожидание для семьи становится пыткой: со страхом думают они, что вчера, может быть, видели его последний раз, что завтра могут уже не увидеть. Для священника еще труднее идти мимо дома – он знает, что самые близкие люди провожают его взглядом.

Интересно, что жена и дети отца Матвея открыто не говорят о своих страданиях – автор использует прием умолчания, и читатель догадывается о психологическом состоянии героев, читая между строк, глядя на события, но, кроме того, благодаря репликам одного из центральных героев, «худого длинного солдата в выцветшей гимнастерке с трехлинейкой на плече и недокуренной сигаркой в зубах» [4, с. 161]. О страданиях священника автор сообщает кратко и емко: «Видел их отец Матвей и страдал от этого сильнее, чем от допросов» [4, с. 164]. Хотя вести допросы чекисты умели, делали они это с пристрастием, дотошно и безжалостно.

Повесть К. Певцова, построенная на осмыслении исторических фактов, показывает типичную ситуацию. История отца Матвея настолько универсальна, что прообразами героя можно назвать многих российских священномучеников, мучеников за веру.

Трагедия происходящего показана глазами «худого длинного солдата» и его начальника – товарища Котова. Два взгляда на пытки священника сменяют друг друга в ходе рассказа. Солдатик, может быть, имея какую-то интуицию, не желает бездумно исполнять приказ и раз за разом докучает своему сослужив-

цу: «зачем мы его водим?», «почему по Пролетарской, а не по Советской?», а в один момент, когда его товарищ в очередной раз бьет отца Матвея в спину прикладом, говорит: «– Степ, не надо. Его же смотрять» [4, с. 166].

Наблюдая за несгибаемостью священника, узнав, что он не соглашается с обвинениями в контрреволюционной деятельности, а лишь терпит телесные и душевные истязания, называя себя при этом свидетелем, солдатик решается побеседовать с самим отцом Матвеем. Из их разговора становится ясно, почему этот красноармеец был так равнодушен к происходящему. В детстве мать водила его в церковь, где они и свечи ставили, и «Отче наш» пели, и назвала она его Николаем в честь Николая Угодника [4, с. 170].

Своим отношением к «контре» Николай напоминает Артема Крутова из «Красного крещения», он готов биться с врагом революции, но лишь постольку, поскольку враг способен держать оружие и оказывать равное сопротивление: «– Ну уж нет, в бою никому не уступлю, – усмехнулся Крутов, – а с юнцами да попами воевать – это не для меня» [1]; «– Их кровопийцев всех одно дело – пуля... – Может и пуля, – согласился долговязый (Николай), – но вот при детях не надо» [4, с. 167].

Кульминацией рассказа становится исполнение приказа о расстреле «свидетеля». Если в начале описываемых событий солдатик Николай ищет ответы, то ближе к концу он их находит, за что оказывается на гауптвахте: «Долговязого Коли-Николы не было. Он был отправлен на губу за отказ исполнять приговор» [4, с. 171]. Далее читателю остается только догадываться о дальнейшей судьбе Николая.

Товарищ Котов по-настоящему проявляет себя на следующий день после беседы долговязого Николая с отцом Матвеем. Ранее известный только по сцене допроса, он приходит на кладбище, где должен состояться расстрел, в состоянии похмелья: «Лицо бледное, глаза красные, распухшие от бессонницы.

Как-то сразу в чистом утреннем воздухе резанул запах перегара» [4, с. 172]. Этот факт также дает читателю пищу для размышлений. Следователь не выносит прямого взгляда приговоренного священника, торопит исполнение, нервничает, раздражается, угрожает солдатам, которые не попадают в отца Матвея с двух раз, обзывает их и принимается за дело сам. Самому Котову тоже не удается застрелить отца Матвея с первого раза, он попадает ему в наперсный крест, и это волнует красноармейцев: «– Господи! А поп-то живой! – воскликнул кто-то из солдат. – Матерь Божья, – вымолвил еще кто-то. Бойцы торопливо крестились» [4, с. 173].

Котов после убийства отца Матвея еще долго потом ходит мимо того места у кладбищенской стены, где расстреливали людей, его туда тянет. Умирает герой в тяжелых муках от болезней, покрывшей все тело зловонными язвами. Проходящие мимо его распахнутых окон слышат, как он в столах просит: «Прости меня, отец Матвей». Даже погребают его рядом с местом захоронения отца Матвея. Возможно, и для Котова мученичество становится искупительным, как и для Крутова из рассказа «Красное крещение».

Таким образом, оба рассказа воскрешают трагические события российской истории – периода послереволюционного и последовавшей за ним Гражданской войны, времени появления тысячи мучеников за веру. Авторы убедительно показывают, что телесные мучения имеют фактический, временный, а не вечный характер, в то время как моральное испытание, сопровождающееся ожиданием, неизвестностью, часто доводит до отчаяния. Пример тому – переживания Господа Иисуса Христа перед страданиями, вплоть до гематидроза. Однако с Божьей помощью преодолеваются и они. Оба проанализированных текста содержат общие мотивы (и на идейно-тематическом, и на сюжетном, и на характерологическом уровне), авторы обоих проникаются духом эпохи, благодаря чему их тексты удивляют своей реалистичностью, вниманием к мельчайшим деталям.

Литература

1. Агафонов Н., протоиерей. Красное крещение // Азбука.ру : сайт. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/krasnoe-kreshhenie/>. – Текст : электронный.
2. Гусев-Оренбургский, С. И. Глухой приход. – URL: http://www.kadet.ru/library/litera/Glujoy_prihod.htm. – Текст : электронный.
3. Кошелева, А. И. Образ православных священнослужителей в светской и церковной периодической литературе во второй половине XIX века // Известия высших учебных заведений. Поволжский район. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2(30). – С. 14–21.
4. Певцов, К. Пустыня. Повесть и рассказы. – М. : Издательство «Зерна-Книга», 2019. – 256 с.

A.N. Moldagaliev

THE THEME OF MARTYRDOM IN THE STORIES OF ARCHPRIEST N. AGAFONOV “RED BAPTISM” AND K. PEVTSOV “I AM A WITNESS”

Abstract: The stories of N. Agafonov “Red Baptism” and K. Pevtsov “I am a witness” resurrect a tragic page of Russian history – the events after 1917. The authors convincingly show that bodily torment has an actual, momentary character. The stories are brought together by the fact that their main characters are divided into two types: initially standing for the faith or seeing clearly, looking at the torments of others. Both analyzed texts contain common motives (both on the ideological and thematic, and on the plot, and on the characterological level), differ in realism, attention to the smallest details.

Key words: faith, priest, martyrdom, executioner, epiphany, baptism, witness, motive.

References

1. Agafonov N., archpriest. Krasnoe kreshhenie [Red epiphany]. [Electronic resource]. Mode of access: <https://azbyka.ru/fiction/krasnoe-kreshhenie/>.
2. Gusev-Orenburgskij S.I. Gluhoj prihod [Deaf parish]. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.kadet.ru/library/litera/Glujoy_prihod.htm.
3. Kosheleva A.I. Obraz pravoslavnyh svjashhennosluzhitelej v svetskoj i cerkovnoj periodicheskoj literature vo vtoroj polovine XIX veka [The image of Orthodox clergy in secular and ecclesiastical periodical literature in the second half of the 19th century]. In *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij rajon. Gumanitarnye nauki* [News of higher educational institutions. Volga region. Humanities]. 2014, No. 2(30), p. 14–21.
4. Pevcov K. Pustynja. Povest' i rasskazy [Desert. Novella and short stories]. Moscow, 2019, 256 p.